

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ

В Институте гуманитарных исследований МосГУ в апреле 2005 г. состоялся «Круглый стол» на тему «Партии для общества или общество для партии?». В его работе приняли участие заведующий кафедрой истории МосГУ, доктор исторических наук, профессор А. А. Королев, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского областного университета, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ В. В. Журавлев, а также сотрудники МосГУ и приглашенные специалисты.

Предлагаем вашему вниманию диалог, прозвучавший на данном «Круглом столе», между А. А. Королевым и В. В. Журавлевым.

**В. В. ЖУРАВЛЕВ
&
А. А. КОРОЛЕВ**

Партии для общества или общество для партии?

Королев А. А.:

Валерий Васильевич,
когда я рецензировал
для государственной ин-

станции многолетний труд вашего коллектива «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX вв. Документальное наследие», то суммарно он насчитывал где-то 1200 печатных листов. Чтобы разместить тома этой серии, требовалось метра два на книжных полках. И это не самое главное. Главное — это уникальность научно-исследовательского труда, обогатившего не только отечественное, но и мировое обществоведение. Не случайно и по праву восемь участников коллектива получили Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники за 2002 г.

Журавлев В. В.:

На премию выдвигались вышедшие к тому моменту 24 тома (28 книг) данной серии. К настоящему моменту увидели свет уже 43 тома общим объемом свыше 2000 авторских листов. Так что двух «погонных метров» на книжной полке будет уже недостаточно. Логика исследовательского поиска

привела нас к необходимости расширения, как временного охвата деятельности политических

партий, так и их «представительского состава». Хронологические рамки документального корпуса серии сегодня вмещают в себя период отечественной истории с 80-х годов XIX и фактически до середины XX столетий, включая документы и материалы всего спектра политических партий России (от «монархизма до анархизма»), в том числе их эмигрантских групп. Был перейден и Рубикон «небольшевизма»: уже появились первые тома и готовятся новые книги, раскрывающие неизвестные ранее страницы истории РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б). Издание к настоящему моменту не только воспроизводит по последнему слову археографической культуры более 7000 уникальных источников, но и содержит обширные вступительные статьи и комментарий к каждому тому, занимающие подчас до четвертой части его объема и вносящие самоценный вклад в изучение искомой проблемы. Реализация данного проекта, конечно же, стала возмож-

ной благодаря энтузиазму и в немалой степени творческому бескорыстию внушительного коллектива историков, представляющих академические учреждения и вузы страны, а также научные центры и университеты США, Голландии, Израиля.

Труд этот воссоздает на надежной документальной основе самую полную из возможных панораму российской многопартийности предреволюционной, революционной и постреволюционной эпох, многосторонне раскрывая «анатомию» ее строения и «физиологию» функционирования в процессе первого в истории нашей страны широкомасштабного социального эксперимента, ориентированного на построение плюралистической модели общественных отношений. Данный эксперимент со всей наглядностью выявил — сохраняющие свою актуальность и партийно-политическую репрезентативность — характерные черты и специфические особенности, отличавшие российский партогенез от европейского и в чем-то подтверждавшие укоренившуюся репутацию России как страны парадоксов («Что для германца — смерть, то для русского хорошо»).

Начавшись с явным (на 50–80 лет) запозданием, процесс партийного строительства в нашей стране продемонстрировал в начале прошлого века то, что я бы назвал эффектом «зеркального воспроизведения» европейской практики, отражая ее типичные проявления «с точностью до наоборот». Первые партии стали возникать на окраинах Российской империи (Польша, Финляндия, Закавказье), а не в центре, как на Западе. С нарушением при этом другой «классической» последовательности: не с консервативного или либерального, а сразу с социалистического фланга. Все эти особенности отражали специфику российского модернизационного процесса, нашедшего свое воплощение в догоняющем типе развития страны. Отсюда проистекали и другие особенности отечественного партогенеза начала XX столетия. Партии, как и многое другое, создавались форсированными темпами и усилиями «сверху» при отсутствии или явно недостаточном

вызревании «инкубационных» условий в виде гражданского общества и правового государства. Инициатором и главным действующим лицом отечественного партогенеза стала мятущаяся, слабо связанная с соответствующими классами и социальными слоями, от имени которых она выступала, неадекватно воспринимавшая российскую действительность, реальные, а не умозрительные потребности страны и ее модернизационные возможности, российская интеллигенция. Подняв знамя борьбы с авторитаризмом, она сама во многом оставалась до мозга костей авторитарной, считая, что только ее видение настоящего и будущего страны имеет право на существование и воплощение в социальную практику.

В 1898 г., когда в России была нелегально провозглашена первая общероссийская политическая организация — Российская социал-демократическая рабочая партия, в Париже на французском языке вышел в свет фундаментальный труд одного из основателей и классиков мировой политической науки нашего соотечественника Острогорского «Демократия и политические партии». Оценивая уже тогда тревожные тенденции эволюции западной партийной системы, автор видел их, прежде всего в том, что лидеры и руководство партий «все — одни, подчиняясь своей ненависти к демократии, другие, искренне и объективно стремясь к поискам истины, и, наконец, третьи, заботясь о счастье трудящихся масс, — все они, как говорят англичане, хотят играть Гамлета без Гамлета. Преднамеренно или нет, все они отворачиваются от индивидуума и часто ожесточаются против него... Чтобы его ограничить, сознательно или бессознательно, стремятся лишить его того, что составляет его силу: власти разума и могущества идеала. Те, кто утверждают наличие этой власти и этого могущества, являются либо несчастными, либо врагами народа, либо фанатиками, либо, коротко говоря, «мыслителями».

Не правда ли, что все это мы вправе сегодня воспринимать как гениальный прогноз, рисующий «портрет» и историческую судь-

бу российской многопартийности «первого призыва»? И это, пожалуй, главное, что современная многопартийность восприняла от прежней в виде исторического и ментального наследия. То, что послужило промежуточным финишем для переживавших в конце XIX в. кризис роста западных партийно-политических институтов, стало стартом для российской многопартийности как начала, так и конца XX столетия. «Играть Гамлета без Гамлета», строить и «совершенствовать» демократию без демоса — все это и в сегодняшней России воспринимается многими не только как самая удобная для власти предрержащих, но и как единственно возможная модель российской общественно-политической модернизации.

Королев А. А.:

Действительно, многое из сказанного Вами подтверждается фактами буквально последнего времени. Если учитывать, что администрация президента (при активном участии Суркова, который курирует Государственную Думу, осуществляет связь с фракциями от партий, наконец, с самими партиями) стремится к созданию двухпартийной (может быть, 2,5, как это в ФРГ) системе. Где же здесь простор для политического участия граждан России, для политической конкуренции, для проведения ими активной социальной политики в условиях обнищания населения?

Вероятно, Президент и его окружение делают ставку на Общественную палату — эдакий синклит мудрецов, аксакалов, уважаемых людей, обладающих непрекаемым авторитетом. Но какими критериями отбора кандидатов должна руководствоваться общественность и какими критериями будет пользоваться администрация, партия власти — «Единая Россия»? Неизвестно. В печати уже называются фамилии. Например, детский доктор Рашаль, который проявил мужество и достоинство и во время захвата заложников-зрителей «Норд-Ост» в Москве и который возвысил публично голос протеста против действий министра Зурабова по уничтожению педиатрии в стране. Называли

и ректора Санкт-Петербургского университета Вербицкую, известную своими радикальными либеральными взглядами по отношению к отечественной системе высшего профессионального образования. Известную гонениями на патриотически настроенного, крупного ученого профессора Фроянова. Может быть, главный критерий отбора — «своя», питерская?

Какие права у «ново-старого» института? Ведь уже создавалась общественная палата при Ельцине? Ну, и что? Ничего. Мертворожденное образование! Нескольких лет назад в столице собирался Общественный форум. Пять тысяч человек. По разнарядке сверху. Поговорили, подебатировали — и разъехались по городам и весям. Но официальная пропаганда протрубила: «Ура! Гражданское общество в России построено!».

У меня складывается впечатление, что общественная палата (бесправная, да и кто позволит устраивать надгосударственное контролирующее образование?) — это «пятое колесо» в «телеге управляемой демократии», полуавтократического режима.

Я помню, когда в 80-е годы к нам, в Высшую комсомольскую школу приезжали зарубежные делегации, то одним из неперемных вопросов был: «Какой процент молодых людей участвует в политической жизни СССР?» Мы с гордостью говорили, что 60% молодежи состоят в комсомоле. Поручения выполняли 50–60% от общего состава. Естественно, возникал вопрос: «А как у них там, за кордоном?» Оказывается — 4–5%. Прошло время — 20 лет перестройки, постперестройки («катастрофы», по словам А. А. Зиновьева). Деидеологизация, деполитизация, депопуляция — много чего произошло... В итоге, в молодежных организациях состоит примерно 1% молодежи от 14 до 30 лет. Между тем, потребность в защите молодежных интересов в стране очень велика. Так, на вопрос: «Есть ли в России политическая сила, представляющая интересы молодежи?» были получены следующие ответы: 79% опрошенных сказали «Нет», 3% — «Да», а 18% затруднились ответить.

Журавлев В. В.:

При всех недостатках системы отечественной многопартийности начала XX столетия, она все-таки была системой, главные элементы которой в лице крупных общероссийских партий действительно отражали в той или иной мере реальные альтернативы общественного развития. Каждая из таких партий строилась на достаточно определенной, даже жесткой идеологической базе, а ее лидеры и идеологи (что в большинстве случаев совпадало) были нацелены на создание не повторяющих друг друга моделей общественного переустройства страны, отражавших понимание данной партией сущности и конкретных механизмов реализации своих программно-идеологических установок. Недавно, в 2004 г., в свет вышла фундаментальная работа коллектива историков, посвященная комплексному анализу данных моделей: консервативной, либеральной, социал-демократической в ее как большевистской, так и меньшевистской модификациях, народнической, анархистской — «Модели общественного переустройства России. XX век» под редакцией Шелохаева. К сожалению, мы утратили именно эту, ценную часть нашего партийно-политического наследия. Еще несколько лет назад политологи, характеризуя современный российский партогенез, употребляли понятие «протопартийность», что внушало еще какую-то надежду на позитивную динамику. За считанные годы многопартийность наша совершила стремительный бросок от протопартийности к квази-или даже псевдопартийности. Базовый критерий партийной структуры (согласно определению американского политолога Даля) «сопоставимость и массовое политическое участие» уступает место жесткой административно-бюрократической мобилизации и заорганизованности.

Тот факт, что тенденции замены партийно-политических идеологий политтехнологиями характерны и для западных (особенно американской) демократий, малоутешителен, свидетельствуя лишь о том, что мы опять пристраиваемся «в хвост» чужой и во мно-

гом чуждой нам социально-политической практике. Характерный пример уже упомянутой Вами, Анатолий Акимович, ярко выраженной тенденции к деидеологизации процессов партстроительства дает нам партия «Единая Россия». Накануне последних парламентских выборов руководством партии в 2003 г. была выпущена огромным по нынешним меркам тиражом в 100 000 экземпляров брошюра для потенциального электората, призванная разъяснить, что представляет собой данная партия, какие цели и задачи перед собой она ставит. Она называется «100 вопросов — 100 ответов. Народная библиотека «Единой России». Опровергая утверждение «политических противников партии» об отсутствии у нее партийной идеологии, авторы брошюры заявляют, что такая идеология не только существует, но и «включает в себя те ценности и нормы, которые (не больше и не меньше!) составляют ядро, сердцевину мировоззрения и повседневной жизни современных российских граждан. Именно поэтому наша идеология является новой не только по своему содержанию, но и по исходным принципам ее формирования». На деле же эти инновационные принципы сводятся к набору самых общих, отвлеченных от видения перспектив и от реальной политической практики дня сегодняшнего положений типа «сильное и ответственное государство, эффективная система хозяйствования, социальная справедливость и демократия», заимствованных при этом из разных идеологических систем. Набор этот «разбавлен» упоминанием ряда фундаментальных «общечивилизационных» (человеческое достоинство, свобода, солидарность) и «традиционных отечественных» ценностей (духовность, нравственность, патриотизм). Главные в данном случае вопросы, связанные «с выбором той или иной экономической модели, конкретной конфигурации политической системы общества, особенностей государственного устройства, структуры власти и тому подобные», открыто игнорируются. Их заменяет витиеватое заявление о том, что они «должны рассмат-

риваться, как правило, в контексте поиска наиболее оптимальных средств и путей достижения стратегических целей общественного развития». Каких конкретно — не указывается.

В упомянутой выше монографии «Модели общественного переустройства России...» идеология определяется как «особое состояние общественного сознания, реализующееся в результате установления взаимосвязи трех основных факторов: системы идей, объясняющих общество, социальные конфликты и способы их разрешения; достаточно представительного социального слоя, принимающего эти идеи как руководство к действию; и, наконец, определенной организации, обеспечивающей постоянные информационные связи руководителей с движением их сторонников». Ни одно из этих условий «Единой Россией», как и большинством других партий, не соблюдается «всерьез» и, если реализует даже себя, то лишь на виртуальном уровне. Задачи консолидации общества подменяются реальными целями и задачами консолидации бюрократии в рамках структур клиентелистского типа. Мимикрируя и маневрируя, не столько ища, сколько организуя с помощью политтехнологий поддержку самых различных слоев и групп населения, большинство российских партий представляет собой, по оценке известного политолога Гаман-Голутвиной, картель «хватать всех». Закономерно, что в данных условиях политические партии, призванные стать в теории связующим звеном между государством и гражданским обществом, на практике выступают как сила, сдерживающая, а в отдельных случаях и препятствующая становлению и упрочению зрелых гражданских отношений в нашей стране.

Королев А. А.:

Рассматривая реальную, а не виртуальную модель политической партии, следует определить расстановку политических сил: союзников, противников, оппонентов с учетом всего спектра авторов политического процесса. Особое внимание целесообразно уделять молодежи как ресурсу политиче-

ской партии и молодежи, как раньше говорили, «сорганизованной».

Принципиальный вопрос: как соотносить партию и союз молодежи в идейном и организационном отношениях? То ли союз молодежи будет организационно самостоятельным, то ли он будет составной частью партии, войдет в ее организационную структуру. Сегодняшняя практика взаимоотношений разных поколений единомышленников показывает, что существует серьезные проблемы идейно-нравственного, психологического и организационного характера. И эти проблемы будут решаться с учетом социальных, экономических и духовных процессов начала XXI в. На западе, в социал-демократических кругах, насколько мне известно, было желание помочь преодолению расколости, конфронтационности общественного сознания, формированию культуры демократии, согласия, толерантности. ЮНЕСКО создало с целью пропаганды около десятка кафедр в различных вузах страны, в МосГУ функционирует Международный институт ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократию». Предполагалось с целью приобщения молодого поколения к демократическим ценностям создание центров подготовки молодежной элиты, управленческих кадров в духе западной культуры. Не скрою, что такая постановка вопроса грешит известной утопичностью. Но кто знает, может, рациональные зерна, посеянные в умах молодых россиян, прорастут и дадут хорошие плоды...

Журавлев В. В.:

Анатолий Акимович, а какие молодежные организации задают тон в современном молодежном движении. А может, и нет молодежного движения?

Королев А. А.:

Молодежного движения как такового, на мой взгляд, не существует. Молодежь как социально-демократическая группа не осознала своих интересов, различные категории юношей и девушек разрознены, разношерстны. Российский союз молодежи неприметен, информация о его деятельности практиче-

ски отсутствует. Охочие до сенсаций журналы периодически освещают выступления то созданных сверху «Идущих вместе», которые сжигают порнографические, похабно-матершинные книги Сорокина, автора романа «Голубое сало», который приложил руку к «Детям Розенталя», скандально прошедшего прогона спектакля в Большом театре; то рассказывают, как молодые «нацболы» заняли приемную президента в знак протеста против закона №122 о монетизации льгот, то живописуют о злодеяниях «скинхедов». Чуть теплятся молодежные организации «Яблока», АДПР.

Время от времени дают знать о себе анархисты. Экзотическими акциями отмечена деятельность Авангарда коммунистической молодежи: то взорвут памятник монарху, то рванут заряд перед силовым ведомством. За такие «шалости» власти карают решительно, суды квалифицируют подобные действия как тяжкие преступления. После революции «гвоздик» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине, мародерского бунта-революции в Киргизии власть предрержащие озабочены, чтобы студенческие протесты не сомкнулись с выступлениями пенсионеров. Весьма симптоматично, что в конце февраля этого года ректор МГУ Садовничий провел необычное заседание вузовской администрации. Ректор говорил не о материальных проблемах университета и не учебных планах, а о тревожной политической обстановке в стране. Он говорил о том, что студенты беззащитны и могут оказаться в зоне влияния «подозрительных сил». Что эти силы пытаются раскачать молодежь и примеров тому вокруг нашей родины множество — всякие грузинские «кмары» и украинские «поры». Как пишет журнал «Коммерсантъ Власть», у Садовничего действительно есть повод задуматься о тайных мыслях студенчества. Так, в начале января несколько десятков интернет-пользователей из Петербурга заявили о создании движения «Идущие без Путина», а уже через месяц московские студенты (большинство — из МГИМО и МГУ) учредили филиал «беспутинцев».

В зданиях МГУ то и дело появляются листовки «Авангарда коммунистической молодежи», и вообще в университете окрепло «красно-левое движение».

Королев А. А.:

Валерий Васильевич, можно ли смоделировать политическую партию XXI в.? Если да, то какой она может быть: правящей (партия власти), массовой или кадровой, парламентской или какой-то иной?

Ваш коллега Шелохаев, внесший большой вклад в разработку теории и истории политических партий отечественных партий, лауреат Государственной премии, считает, что будущее за партией, которая найдет оптимальный вариант отладки механизмов регулирования взаимоотношений между личностью, обществом и государством.

Но, видимо, это идеальный подход, при условии, что и первый, и второй, и третий элементы этой партийной системы равноправны, самодостаточны. Но ведь не секрет, что государство сегодня, как и вчера, по-прежнему ущемляет интересы личности и подминает под себя общество.

Шелохаев полагает, что Россия обречена развиваться по западному пути, что рано или поздно произойдет своего рода естественный отбор, и в России сформируется европейская модель двухпартийной системы. Разумеется, в европейских странах действует достаточно много партий, но большинство их, как правило, решает сегментальные задачи (классовые, стратовые, профессиональные, культурные и т. д.). Иными словами, по мысли исследователя, политические партии в XXI веке будут функционировать не в среде управляемой многопартийности, а в условиях отлаженного двухпартийного механизма.

Журавлев В. В.:

Позвольте мне к проблеме «политическая партия XXI века» подойти с несколько иных позиций — с уровня более широкого вопроса о типе российской модернизации и связанных с этим потребностей в обретении страной своей модернизационной идентичности. Как мне уже приходилось ранее пи-

сать и говорить, главный итог российского модернизационного процесса заключается в том, что страна наша, испробовав в XX в. практически все теоретически возможные варианты догоняющего типа развития, оказалась к началу третьего тысячелетия в уже привычных для себя координатах исторического распутья. А это значит, что Россия пока еще не нашла, не успела своим социальным опытом — в условиях конфликта между государством и обществом, перманентного давления первого на второе — наработать предназначенный именно для нее механизм эффективной модернизации, обрести свою модернизационную идентичность. Все это давно уже ставит в повестку дня вопрос о том, насколько адекватен объективным возможностям и реальным, а не умозрительно формулируемым, потребностям России догоняющий тип развития как таковой.

На смену концепции, идеологии и психологии «догоняющего развития» рано или поздно должна — хочется верить в это — прийти концепция и идеология *органического развития* России. Суть ее можно выразить в двух исходных постулатах. Первый из них сформулировал еще Соловьев — «естественно и целесообразно». Следование этим критериям на всех ступенях жизнедеятельности способно открыть новые возможности самосовершенствования российского социума на самых различных его «этажах»: на уровне личности, группы, социального слоя, общества в целом, а также подконтрольного ему государства. Второй постулат я бы выразил в формуле: «Изменяя себя, не изменяй себе».

Постепенное, но неуклонное переориентирование социума на тип органического развития вовсе не означает, что России впредь не понадобится «догонять» развитие страны по ключевым параметрам экономического, научно-технического и общественно-политического прогресса. Органические заимствования, которыми Россия никогда не гнушалась, не мешали ей оставаться собой. Более того, как справедливо отметил в свое время Владимир Соловьев в полемике со сла-

вянофилами, на забвении «национального эгоизма» основано все хорошее не только на Западе, но и у нас в России: «...И русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, и то заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы, не было бы и вашего славянофильства».

Суть дела, таким образом, не в том, чтобы никого «не догонять», и ничего не заимствовать, а в том, как это делать. Органический путь предполагает установление такого климата в обществе, когда общий замысел преобразований, их смысл, характер и порядок осуществления вытекают из внутренних потребностей страны и возникающих перед ней «вызовов времени», выявляемых в результате — и это *непременное условие* — перманентного диалога гражданского общества и государства, социума и власти в целом.

Только укоренившаяся практика «собеседования на социальном уровне» способна будет со временем естественно сформировать структуры российского варианта гражданского общества. Именно варианта, ибо российское общество в обозримом будущем вряд ли станет обществом частных собственников со всеми вытекающими отсюда чертами и особенностями, присущими гражданскому обществу западного типа. И «демонстрационный эффект» продвинутых в этом и других отношениях обществ совсем не обязывает нас копировать западные образцы. Его конструктивная функция — служить побудительным элементом, одним из первотолчков к реализации собственных задач органического развития. Любые заимствования только тогда способны принести пользу, когда они, согласно терминологии Ковалевского, возводятся в степень «творчества второго уровня».

С уровня именно данных проблем мне видится и модель партии будущего. Только те из партий, я убежден, которые первыми выйдут на стезю практической, повседневной реализации проблем обретения страной сво-

ей модернизационной идентичности и предложат обществу одну из достаточно основательных альтернатив движения по этому пути, могут рассчитывать на длительную историческую перспективу своего существования. Вопрос же о том, будут ли такие партии массовыми, кадровыми или парламентскими, не имеет в данном контексте первостепенного значения. И, наконец, Анатолий Акимович, не возражаете, если один из вопросов, поставленных Вами, в качестве буферанга отправлю Вам: «А как Вы относитесь к идеальной модели партии XXI века?».

Королев А. А.:

Как мне представляется, это один из важных теоретико-методологических вопросов партийного строительства, или, как принято в западной политической науке, — партологии. Думается, говорить о модели политической партии применительно ко всему XXI столетию довольно сложно и контрпродуктивно. Видимо, следует рассматривать модель партии начала 2000-х годов. Начнем, как принято, с идеологических основ организации. Важно подчеркнуть, что цели и задачи большинства политических партий сегодня различаются, их программные и тактические установки дублируют друг друга (может быть, на 70-80%). Министерство юстиции РФ зарегистрировало около 50 политических партий. А если припомнить начальный этап российского партстроительства, то их были сотни, одних только местных, региональных было 900! Партии-призраки, партии-однодневки, партии «одного актера» — создавались под какого-то одного политического деятеля, да и в настоящее время эта традиция сохранилась: партия Хакамады, например. Лексический, идеологический набор приемов, методов работы практически один и тот же. Мы видим упоминание о «социально ориентированном рынке», «смешанной экономике», «национальных интересах», «патриотизме» и т. д. Деление на левых и правых теряет порой свою смысловую окраску. Левые в массовом сознании нередко под воздействием СМИ становятся правыми — и наоборот. Видимо, происходят ре-

альные конвергентные процессы в духовно-идеологической сфере, наблюдается осязаемый либерально-консервативный синтез в программной работе партий различных партийно-ценностных ориентаций. Интегративные процессы, происходящие в партийном строительстве, отражают глубинные явления социально-политической, духовной жизни российского социума. Налицо стремление сохранить и приумножить социокультурные традиции, выявить, вычленить то существенное, что присуще российскому менталитету. Вместе с тем ряд партий, претендующих на роль федеральных, прокламируют в своих программных документах приверженность к традиционным ценностям (либеральным и консервативным). Однако практическая деятельность этих объединений резко контрастирует с заявленными программными установками. Так, например, провозглашая строительство «нормального» капитализма, «Союз правых сил» не очень смущается тем обстоятельством, что поддерживает их несколько процентов электората (на прошлых выборах в Государственную Думу около 10%). Очевидно, что руководство этой либеральной партии, взяв название от исторических партий, не очень заботится о преемственности со своими предшественниками, они принципиально забывают, что правые в России традиционно стояли на национально-патриотических позициях, защиты территориальной целостности государства, союза с Русской православной церковью и так далее. Правда, правые (либеральные) силы, особенно их бывшие и настоящие руководители, в том числе и «Яблоко» во главе с Явлинским, находятся в состоянии разброда и шатания. Призывы к объединению тонут в амбициозных заявлениях ново-явленных лидеров правого движения (Гарри Каспарова и Владимира Рыжкова).

Валерий Васильевич, в одной из своих статей Вы писали, что ориентирующая себя на перспективу партия XXI неизбежно первые десятилетия столетия будет *партией переходного периода*. Говоря о партии переходного периода, переходного общества, следу-

ет задать вопрос: от чего к чему переходим? Есть точка зрения, что наше общество движется от авторитарных структур к демократическим через попятное движение, через создание полуавтократического президентского режима. Но есть и другая точка зрения: будто наша страна находится в состоянии смуты, и Россия до сих пор не определила вектор своего развития. А может быть, мы находимся на самой начальной стадии реставрационного процесса (только вот какого: коммунистического реванша на основе идеологии национал-большевиков или какого-то иного?).

Журавлев В. В.:

Все это видится мне гаданием на кофейной гуще. С той поправкой, что вектор своего развития страна наша, действительно, до сих пор не определила. Свои личные представления о том, каким должен быть этот вектор, если исходить из анализа итогов и уроков прошлого, я уже пытался сформулировать выше.

Королев А. А.:

Валерий Васильевич, как вы относитесь к утверждению, что последние меры, которые принимает В.В. Путин и его окружение (послушные ЦИК, Государственная Дума), в частности, установление 7-процентного барьера для политических партий при прохождении в верхнюю палату Федерального Собрания, назначение губернаторов и так далее — это путь к однопартийной системе?

Переход к назначению губернаторов, по мысли руководителя Республиканской партии Лысенко, бывшего депутата Государственной Думы, ускорил еще один крайне опасный процесс. Речь идет о массовом вступлении губернаторов в правящую партию «Единая Россия». Если в 2003 г. свыше 30 губернаторов возглавили на выборах в Государственную Думу региональные списки «Единая Россия», но ни в Госдуму, ни в партию власти массовым порядком не пошли, то сейчас наблюдается иная ситуация. На сегодняшний день более 50 губернаторов пополнили ряды этой партии, то есть уже более половины.

Журавлев В. В.:

Потребность в укреплении вертикали власти реальна и давно назрела. Весь вопрос в том, как это укрепление понимать, в какие формы облекать и до каких пределов доводить. Положение вещей, когда «всенародно избранные» губернаторы оставляют свои вконец обнищавшие и замерзающие «вотчины», отдыхая на заграничных курортах или целиком погружаясь в дела купленных ими «за бугром» футбольных команд, вряд ли можно признать серьезным аргументом в пользу преимуществ такого рода «демократии» перед угрозами авторитаризма. Что же касается однопартийной системы, то она фактически уже существует. И в этом не столько «заслуга» Кремля или самой «Единой России», сколько закономерный и печальный итог уже обсуждавшейся нами выше стремительной эволюции отечественной политической системы в направлении от протопартийности к квази- или псевдопартийности. С другой стороны, Анатолий Акимович, не кажется ли Вам, что складывается парадоксальная ситуация: чиновники из центрального и местного аппаратов бросились в «партию власти», а на местах при выборах законодательных собраний наметилась тенденция недоверия к «медведям» — «Единой России». Уже нет их абсолютного большинства в законодательных органах ряда регионов страны.

Королев А. А.:

У меня складывается впечатление, что идут какие-то скрытые процессы по перегруппировке политических сил задолго до президентских выборов 2008 г. Левый фланг — КПРФ, ВКПБ, «Родина» — с помощью СМИ и усилий администраций президента разгромлен. Отрицательный рейтинг Зюганова, по данным ВЦИОМ, в два раза выше его положительного, как, впрочем и Жириновского. Правые — либералы скомпрометированы. Будущие вожди только примеряются к руководящим должностям. Маленькие партии должны объединиться вокруг крупных. Но амбиции вождей партий сдерживают этот процесс (Партия пенсионеров, На-

родная партия, Республиканская партия и др.) А политики высказывают предположение, что те люди, которые держат под контролем реальный политический процесс, могут заложить крутой вираж, когда по касательной вылетит «Единая Россия» вместе с правительством Фрадкова, а на место «партии власти» придут другие люди, раскрученные СМИ, как это было в свое время с партией «Наш дом — Россия» и «Единая Россия». Пиар всемогущ!

Журавлев В. В.:

Не могу не согласиться с последним вашим тезисом. И, вместе с тем, не хотелось бы завершать наш разговор на пессимистической ноте.

Подводя итог своему достаточно жесткому анализу проблемы «демократия и политические партии», наш выдающийся соотечественник Острогорский, о котором уже шла речь выше, на закате еще относительно

«благополучного» XIX в. призывал всех честных и беспристрастных исследователей политических процессов «продолжать наш путь, пытаясь всегда соединять идею и факт в их естественной и действительной научной гармонии, всегда сохраняя веру в разум и идеал и всегда стремясь по возможности внедрять их в жизнь». При этом он добавлял: «Результаты, быть может, не всегда будут соответствовать нашим усилиям, мы, быть может, часто будем обмануты в наших ожиданиях, но мы никогда не будем побеждены, ибо, пока будет существовать идеал, борьба будет продолжаться».

За прошедшие с тех пор годы и десятилетия, нельзя не признать, оптимизм человечества, в том числе его научной ячейки, весьма значительно поубавился. И, тем не менее, и сегодня, перефразируя Достоевского, хочется сказать — «идеалы спасут мир». Вопрос «за малым»: а кто спасет идеалы?